

Александр Чеберяк

РУСЫ



Александр Чеберяк

Русы

«Издательские решения»

Чеберяк А.

Русы / А. Чеберяк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902740-5

Про Святослава, князя русов, который родился с мечом и погиб с ним же. Об одном из блистательных полководцев, который в 4 года участвовал в своей первой битве. О том, как бесстрашные русы ходили в походы и разбивали сильнейшие армии, всегда превосходящие их числом. О русском духе, стойкости и кодексе воина. О войне Святослава с хазарами, болгарами и византийцами. О пекле боя, о разбеге конницы на копья, кромешной сече и поножовщине, где мог выжить только сильнейший.

ISBN 978-5-44-902740-5

© Чеберяк А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава первая. Юность князя	7
Глава вторая. Поход на хазар	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Русы

Александр Чеберяк

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Александр Чеберяк, 2018

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2740-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Здравствуй, дорогой читатель. В этой книге ты услышишь о подвигах русов, ведомых великим князем Святославом. О неслыханной доблести, когда наши предки, числом в два, а то и три раза уступавшие врагу, стояли на поле боя против лучших армий мира. И побеждали! И атаковали, пешие, тяжелую конницу – безумное, неслыханное дело. Порадуйся, читатель, подвигам наших далеких пращуров. И возгордись, и помни, и расскажи детям, кто такие русы. К сожалению, подробности той эпохи, которой минуло тысячу лет, чрезвычайно скудны и противоречивы. Мы не знаем, как именно происходили те битвы и кто принимал в них участие. В связи с этим я позволил себе и авторской фантазии разгуляться, чтоб в полной мере передать картинку из прошлого. Достоверно известны лишь походы князя – на хазар, волжских булгар, болгар и борьбе его с Византией (и то историки спорят о датах). Известна гибель князя и точное место. Все остальное – сплошной туман и домыслы. Поэтому... Не суди строго, читатель – я не претендую на полную историческую достоверность. Историки до сих пор даже не знают национальности деда Святослава, Рюрика. Где-то он дан (норманнская теория), где – славянин из племени ободритов, где прусс, где рус. Я лично считаю его русом из варягов. Дошла летопись, в которой сказано – И пришли варязи с Русью к нам править. Но одно мы знаем точно – князь Святослав был русом; и именно в годы его правления звонко зазвучало название молодой и дерзкой страны – Русь, где воины были лихи и отважны, где кодекс чести ценился превыше всего. Вот о тех далеких временах я и хочу рассказать, уважаемый читатель, как смогу. Одно тебе обещаю – я швырну тебя в самое пекло боя. И ты будешь биться рядом с Великим князем. Ты увидишь свалку кромешной поножовщины, ты ощутишь накатывающие броню всадников, услышишь лязг мечей и свист стрел. Будет, все это будет. Еще одно. Украинцы по неразумению или глупости указывают на то, что мол, Русь звалась Киевская, значит, и князь был украинцем. Не был и никогда не будет. Не Киев управлял Русью, а в него пришли русы, подчинив окрестные племена и стали оттуда править. По месту прибывания Великого князя назвали Русь Киевской – только поэтому. С Новгорода в Киев пришли русы, переместив столицу княжества туда. Если что и могут сказать украинцы, так только то, что они южная часть русов. Не более того... Итак, в путь.

Глава первая. Юность князя

Росла Русь, стиснутая капканом врагов. Вставала, расправляя плечи, могучая, лихая и раздробленная. Еще не было у славян единства, еще не осознали, что одного роду-племени. Как не было князя, который собрал бы в стальной кулак и повел за собой. Не было – сильного, смелого, мудрого. Пока не было – но всевидящий Бог уже дал русам надежду. И эта надежда истошно орала, дрыгая розоватыми ножками и требуя материнского молока. И звали ту надежду Святославом, и его голубые распахнутые глазенки с удивлением смотрели на этот мир. Первый рус среди князей – он по праву рода и крови пришел в этот мир, чтобы царствовать. Рус – по матери Ольги, знатной славянки из-под Пскова.

Гулко зудят шмели толстозадые, неспешно плавая над золотыми полями. Спело и туго гнется рожь, народу на загляденье. Вспотевшие бабы, вытирая подолами красные лица, устало улыбаются – слава капризным богам, на зиму закрома наполнятся. Все хорошо – стоит Русь душистая и сияет. Лишь одно тревожно – дошли слухи, что темные древляне, запертые в лесах, сдушегубили князя Игоря. Сам виноват, конечно – жаден тот князь, до дани зубаст да прожорлив был. Говорила ему дружина – не ходи, княже, за данью, только что древляне отдали все. Но Игорь, упрямый и неудачный в походах, пошел забрать последнее с малым числом. И сгинул, затоптанный взбесившимися от лютой несправедливости лесовиками. Сгинул под их рев, в толпе пылающих глаз и разинутых кривых ртов. Худой князь был, мелочный, в походах не прибыльный – но все же... Как теперь Руси-то без головы? И что теперь будет? Кто взвалит ношу такую неподъемную на свои плечи? Кто?!

– Убить всех! – Жестко приказала Ольга своему воеводе, варягу Свенельду. Тот, хмурый, кивнул. Княгиня всея Руси, вдова князя Игоря, вышла со своим войском против древлян. Ее дружина, спаянная и молчаливая, ждала только знака великой княгини. Ждала, зная, что тем, стоявшим напротив, пощады не будет. Ждала, готовая сорваться, лязгнув мечами, ощерившись копьями, на ходу вякнув тетивой луков. Ждала, стройная рядами, мощная, скалистая. Ольга медлила, наслаждаясь предвкушением. Дружина подождет.

Она опять пришла мстить за убитого мужа. Еще, еще, еще – сто раз она придет, если в душе будет гореть этот огонь, не дающий покоя и сжигающий изнутри. Только месть, сладкая вкусная месть тушила его ненадолго и приносила облегчение, словно целебный бальзам. Подлая дремучая чернь, они даже не поняли, что наделали! У нее в висках застучало. Ольга стиснула руки – до боли. Ладно, она объяснит бестолковым быстро, что за смерть князя тысячи смердов затопчут конями. Боги свидетели – такое кощунство не должно повториться! Князя самым небом дадены, и не подлой черни, этим псам, их судить!

Кони нетерпеливо фыркали, вспахивая копытами землю – она кивнула. Воевода Свенельд одобритительно крикнул – застоялись, матушка, пора разогреться. Свенельд дал знак, и два пеших воя ввели коня сквозь почтительно расступившийся забор ратников. Четырехлетний княжич по-взрослому был хмур и серьезен.

– Те наши враги? – Не отрывая взгляд от древлянского войска, спросил Святослав.

– Да, Великий Князь! – Свенельд хмуро, с пренебрежением посмотрел на древлян, как на мух. – Сомнем, никуда не денутся. – Он сочно сплюнул в сторону врага.

– Воевода, копье! – Повелительно сказал мальчик. Свенельд подошел, вложил в руку копье, сжав своей ладонью тиском маленький кулачок князя.

Святослава с конем вывели вперед. Он размахнулся. Да, тяжело копьё, княжич. И мальчик пожалел, что ему мало лет. Но сдюжил, сжав зубы. Но кинул – на пределе сил. Копьё пролетело чуть за коня, но... Во врага. И Свенельд зычно рявкнул, помогая князю:

– Князь почал, и нам пора.

Зашелестели ряды стальным удавом, ворочаясь, сбрасывая оцепенение. Зашелестели – и живая волна пробежала по войску. Воины двинулись, хлопнув щитами. И щиты в форме сползающих капель сразу прикрыли до ног, как укутали. И копьё, выщелкнув ниоткуда, превратили дружину в ежа. Еж пошел – выпустив колючки, тускло сверкая металлом, побрякивая доспехами. Гул, гул, гул – топот ног и стук щитов. Вот и шелест натянутых луков. Вот и вжикнули первые стрелы. Пора, воевода. Свенельд поскакал к засадной дружине, время которой еще не пришло. Только расчетливый воевода Асмуд решит, когда ударить в беззащитно-подставленный хребет древлянского сброда. Сброта, которого намного больше, и они на своей земле. Да-а-а – Свенельд задумался. Это воину думать не надо – руби да руби.

Беспокойный кивок княгини – и княжича, недовольного, увели за ряды сразу посуровевших воев. Не спеша, княжич, твое время придет. Но мальчонка не понимает и рвется в бой. Туда, где большие дядьки стреляют из луков и рубятся на мечах. Туда, где солнце играет на острие клинка. Туда, где хрип и стоны, где жар сечи и рубки, туда, к славе. Он там, среди них. Нет – первый, по праву князя! Маленькие кулачки сжались.

– Святослав! – Ольга погладила голову, но мальчик сердито отдернулся, сдерживая выступившие слезы. Как, как все не понимают, что он уже взрослый и сильный?

– Великим воем будет, – промолвил седой дружинник.

– Еще бы! – Лицо княгини снова стало черствым, и дружинник примолк. «Старый дурак, распустил язык» Он виновато насупил.

Святослав с пригорка смотрел, как намного большее войско древлян мяло передний центр русов, и центр прогибался. Не сдержать, не выстоять – древляне, чужая победа, кинули последние свежие силы на подмогу туда, где по колено в крови, трещина и умирая, русы еще стояли. Еще...

– Ну же! – Почти сорвалась княгиня на крик.

– Рано! – Прохрипел Асмуд. – Рано, матушка, пусть увязнут.

И княгиня вся Русь подчинилась. Лишь бросив злое: – Смотри, воевода!

И Асмуд выдержал вспыхнувший яростью взгляд. И ждал, кусая ус, сжимая меч в побелевших костяшках.

Все – выгнутый центр русов сейчас лопнет. Все – победа близка, и древляне нажали. Еще миг – и русы опрокинутся, порвавшись рядами. Разлетятся на лоскуты, и древлянская рать ворвется, чтобы загрызть разломанный строй. А дальше будет не бой – избиение. Строй русов лопнул, и древляне хлынули густой рекой, раздвигая проход, вжикая мечами влево и вправо. Проход рос, гремя костями сдавленных русов. Они уже были окружены кучками; и в эти кучки нацелены копьё. Радуга мечей взлетела, чтобы добить зажатых в капкане русов.

Ольга прокусила губу, и две красных кляксы упали на гриву коня.

– Пора! – Выдохнул Асмуд с надрывом. Рог затрубил. Под волчий рык Свенельда, в бока и тыл древлянскому войску, вылетали свежие вои. Вылетали, встречая испуганно белые лица обернувшихся древлян, и втыкали копьё в неприкрытые спины. И бросив их в спинах древлян, выдернули мечи – булатный меч, он первый друг в ближнем бою. Да еще боевой топор – ой как ладно он проламывает шлемы, пуская с-под них сочные алые струи. А как ласково шуршат булава, перед тем, как расколется череп!

Первые ряды древлян промялись травой, попав под каток русов. Тут же по древлянскому войску ураганом промчалась паника. Промчалась, едкая, раскачав унынием войско и сделал его уязвимым тестом. Полетела в горьких криках осипших и обреченных, почти побежавших. Паника, хуже которой нет – и древляне пропали. Заметались, словно рысы в капкане. Куда, куда бежать, если русы клещами сжали? Если повсюду выныривает меч или ошарашивает топор? Куда – древляне спотыкались друг о друга и давили.

Ольга хищно улыбнулась – русы всюду пластали мечами потерявших строй и дух воинов. Нет – уже не воев, а испуганную толпу сброда. А окруженные кучки русов, почти забитые, полумертвые, зачуяв подмогу, вдруг ожили и слаженно всадили мечи в животы растерянным наседавшим древлянам. Свенельдова дружина шла, выпахивая полосу, навстречу своим – и летели древлянские клочья. Святослав с пригорка смотрел, застыв – и был там, рядом с дружиной. Шел, резал, рубил, колол. Его жадный детский разум впитывал все, запоминая. Свенельдов клин, словно нож в масле, тек сквозь остатки древлянского войска, превращая его в труху

Ленивый глупый мир проспал первый бой мальчика. Зря... Мощный хазарский каганат, которому не было равных и которого признавала сама Византия, привычно обдирает подвластные страны и жирел, не зная, что счет его пошел на годы. Толстые хазарские купцы и менялы еще смачно зевали, задирая открытую пасть к небу, караваны еще сновали туда и обратно с изможденными потными погонщиками, – так что еще Каганат благоденствовал. Да что там говорить – только безумный мог противиться священной воле кагана, подкрепленной сто тысячной армией. И это – не считая ополчения, выставленного вмиг под плетью на стены. А тяжелая хазарская конница одна чего стоила! Ее удар с разгона был страшен – и навряд ли кто устоял бы под всепронзающим жалом кагана, несущегося на разгоне той самой конницы. И называется она – Солнце кагана. Каганат вечен – и не найдется тот, кто осмелится дерзнуть на его священную власть. Этого просто не могло быть, как небо не могло упасть на землю, поэтому каган спал безмятежным сном полубога и не знал что провел первую битву тот, кто растопчет его, разнесет на осколки – священный пророк, как же так?! За что, боги – возденут к небу ставшие нищими и вспомнившие святость купцы и менялы. Возденут, жалкие, с отрезанными русами бородами, побитые и плачущие. И скажи кому, что сами хазары станут песком в степи и рабами – засмеют, не поверят, закидают гнилыми яблоками. Что даже историкам вместе с археологами будет не сыскать их след, потея и проклиная жару, – хазары словно уйдут в туман, будто и не было их вовсе. Но это потом – пока же славься, Великий Каган, да продлит небо твои сиятельные деяния.

Царица мира, Византия, сыто улыбалась, взирая на всех снисходительно сверху, не зная, что сегодня стал воином тот, кто заставит ее дрожать. Кто взмахом меча растревожит всю шаткость империи, топнув по ней, как по высохшей шкуре. Кто заставит лучшую армию мира выть от бессильной злобы и дивиться мужеству демонов-русов. И самые храбрецы Византийские сломают зубы об молчаливую стену светловолосых утесов, стоящих намертво.

Волжские болгары и греки строили города, не зная, что через пару десятков лет к ним придут сумасшедшие русы, незнакомые с жалостью и страхом. И вести их будет тот самый мальчик; и сровняет с землей их крепости. Спи спокойной, мир, наслаждайся, пока тигренок становится барсом.

– Асмуд, еще! – Зычный голос княжича вывел варяга из дремоты. Меч в его руке танцевал, словно был ее продолжением. Асмуд залюбовался. Мальчишки растут, словно грибы. Давно ли под стол ходил – а сейчас вон как искусен с клинком. Любо-дорого посмотреть, как

полыхают на солнце восьмерки, будто молнии, с руки княжьей. Булатный меч – лучший, тот, что гнется, не ломаясь. Хвала Перуну, мастеров и секретов железа у Руси с избытком. «Хм, – усмехнулся с гордостью Асмуд, – учителя у него хорошие. А княжич-то возмужал, по-волчьему ловок»

– Хватит, княже. – Как можно строже сказал варяг. – Грамоту надобно разумать.

– Нет! – Твердо ответил Святослав; и его холодные, цвета моря глаза, в упор посмотрели в лицо наставнику. – Меч – моя грамота!

– Нет, княже, нет. Правитель обязан знать грамоту, – увещевал Асмуд.

– Бой – лучшая грамота воина, – упорствовал княжич.

– Слова мужа, не отрока, – воевода Свенельд вырос будто из-под земли; и его лапа легла на плечо Святославу. – Пойдем, княже, на охоту. Из лука постреляем.

– Да, да, да, – глаза княжича вспыхнули. – И копьё покидаем.

– А завтра, княже, – хитрый Свенельд склонил голову, – пойдем знакомиться с топором. Топор – первое оружие воина. С топором битвы выигрывали

– Пойдем, – серьезно ответил княжич. И Свенельд смолк на полуслове – на детском лице княжича уже не впервые застыла тень князя. Решительного, упертого, жесткого. Который не шутит и рожден повелевать.

Асмуд лишь неодобрительно покачал головой. Хитрый, сильный Свенельд – вон его мальчик как любит. Знает Свенельд, как это юное сердце завоевать. Ему-то что – он воевода, не наставник. А княгиня Великая спросит с Асмуда, еще как спросит.

– Князю надобно знать грамоту, – про себя пробубнил варяг и поспешил им вслед на охоту. Не дай бог чего приключится с княжичем – Ольга-матушка с него шкуру спустит. Или разметает конями по полю – и отважный Асмуд закашлялся. Древляне вон, до сих пор ею пугают непослушных детей. Строга, строга матушка Руси Ольга – Асмуд заторопился. Княжич взлетел на коня. Туда, навстречу ветру, сжимая древко копья. И горе тому зазевавшемуся, что окажется у него на пути. Снесет нерасторопного княжич, лишь бросив взрыв хохота за спину, в которую врос тугой лук.

Свенельд грозно кивнул бровями – и три отборных дружинника, взбивая пыль, поскакали за Святославом. Не так, чтобы близко – упрямый княжич обидится; но и недалеко – мало ли что... Да-а-а, Свенельд, жизнь летит. Летит, как стая вспугнутых галок куда-то. Вот и князь уже оперился. Скоро, совсем скоро – Свенельд это знает – князь сам поведет дружину. И такой князь дружине люб и нужен. Как нужен он князю, воевода Свенельд, и значит... Новые походы, новые битвы. Все хорошо, воевода, не тужи – нужен ты, нужен. Много дел у вас впереди. Но хитер ты, дюже хитер, воевода – и князь это скоро узнает. Это пока он верит тебе безоговорочно. Но узнает. Как знает это умный и подозрительный Асмуд. Свенельд нахмурился...

Святослав наряду со своей младшей дружиной держал зажатый ногами пудовый булыжник. Тяжело, невыносимо – но на лице князя застыла вымученная улыбка. Терпи, княже – более старшие воины на тебя смотрят. Ведь всадник одними ногами должен на всем скаку держать коня. Делать его послушным, от этого твоя жизнь зависит. Руки-то нужны свободные – чтоб с ходу, пока несешься на вражье войско, успеть выдернуть стрелы три и послать их туда, в густое месиво впереди, и забрать одного-двоих, пока лук не станет бесполезным в тесной мясорубке. Но и тогда руки воину нужны для меча.

– Хватит! – Рывкнул Асмуд, и отроки с облегчением гулко шлепнули оземь булыгами. Дрожь готовых лопнуть ног, кто-то с непривычки даже упал – дружных хохот матерых дружинников. Вои, передохнув, разбились на пары – и гулкие стуки топоров о щиты побежали по полю.

Копье, лук, топор, щит, булава, сулица, кистень. Со всем этим знаком был воин рус, и знаком в совершенстве. И конечно же меч, с которым рус был неразлучен лет с четырех-пяти и до самой смерти. А если везло – с ним и погибал, улетаая в Перуново царство. Нет, нет – не в болезни смрадной, с позором в постели, не в старости гиблой, что сушит тело и ломит кости, в бою, только в бою должен пасть воин. И хорошо бы еще, умирая, перед тем, как взглянуть на небо, в лик Перунов, развалить от плеча до пояса того, кто проткнул тебя. Чтоб душа спокойно летела в царство бесстрашных героев, чтоб не остался ходить по земле и хвастаться тот, кто убил тебя. Заглянуть в его стекленеющие глаза и спокойно расставить руки навстречу падающему к тебе небу. И сипло, чувствуя железно-кислую кровь во рту, прошептать:

– Перун, я иду. Прими...

Мужала дружина, выпестованная варягами Свенельдом и Асмудом. Мужала, впитавшая бой викингов и тактику тюрков. Мужала, готовая к жестким рубкам. А как могло быть иначе с такими соседями? Зазеваешься – раздавят, угонят скот и тебя в рабство, затопчут пашни и память предков. Поэтому терпеливо растили дружину варяги, закаляя в мелких набегах, будто знали, что скоро грядет великое. Что скоро, совсем скоро Русь нальется соками, что бабы, отдохнув от больших войн, нарожают и вскормят горластых крепышей, и те крепыши, задорные и плечистые, захотят испытать свою удадь в дальних краях. И что скоро, совсем скоро растущей Руси станет тесно с Хазарским царством. И кому-то надо подвинуться – данники же не бесконечны. А дружину надо кормить, и жрет та дружина много.

Глава вторая. Поход на хазар

– Ох, сынок, стал ты крепок! В плечах раздался. Но... Мне с тобой надо поговорить, – княгиня Ольга обняла Святослава.

– О чем? – Князь взгляделся в лицо матери. Приехала три года назад с Византии, крестившись в новую веру. Приехала под шепот черни на площадях – Какой оттуда княгинюшка-то придет? Мягше от веры ромейской станет, тверже ли? Народ озабоченно качал головами и расходился. Своих богов, что ли, мало? С десятков и больше – кому хочешь, тому и молись. Непонятно – пытаюсь казаться мудрыми, хмурили лоб знатнейшие из мужей. Нет, не доведет до добра Византия да вера чудная, ромейская.

– Надо, князь, веру принять Византийскую. А то мы все как язычники – в темноте идем. А место Руси рядом с великими державами в одном строю. Но... Без веры истинной, без единого Бога так и будем мы в серости, с краю мира. И кесарь, и короли германские – все давно Христа приняли. Все – кто просвещен и всесилен. Един у нас Бог, а не множество. – Твердо убеждала Ольга сына.

– Всесильны? То-то помощи у нас в войны просят. – Усмехнулся Святослав. – А что же они все грызутся меж собой, коли вера одна? И чем новая вера лучше нашей, оставленной нам предками?

– Истинная она, княже, истинная.

– Извини, матушка, меня дружина уважать перестанет. Смеяться надо мной, князем, будет. Есть уже бог у воинов, Перун. И негоже старых богов на новых менять – чай, не оделонка, что скинуть можно и другую одеть.

Как тяжело с ним спорить! И в кого он такой? Ольга внимательно пригляделась к сыну. Год назад уже сам дружину в поход водил, вятичей примучивать. Ну да хитрые вятичи не сказали ни да, ни нет, но по их взглядам из-под косматых бровей стало ясно – не верят они в мощь князя всея Руси. Так и будут платить дань Каганату, пока не заставишь их силой и кровью, разметав по полю вятских воев, признать над собой длань великого стола Рюриковичей. Ну да ладно, вятичи подождут.

– Княже, так надо. Для Руси. Чтоб равными всем им быть, – Ольга это сказала и поняла, что напрасно. Не убедить твердолобого сына, если решил – как отрезал.

– Нет, матушка, нет. Я креститься не стану, и дружину не дам. Но... Кто захочет сам, по доброй воле, в новую веру пойти – супротив не скажу ничего. Я же всегда буду чтить Перуна, как бога воинов. И новых богов не приму.

И грустно стало на сердце Ольги. Родной сын, опора ее, не слушает. А без него ни воины, ни чернь – никто не пойдет в веру Христову. Да и бояре засумневаются – погудят, погалдят, да и уйдут на капище, давать новые жертвы старым богам. Непонятно и дико все это пока для народа, старые боги привычней, роднее. Да – ломать старое тяжело. Но княгиня упорна и, покрестившись, она поняла – нет у Руси дороги иной. Ладно, вода камень точит. Стоя там, в далеком Византийском храме, где она заглянула в пронзительный лик спасителя, Ольга увидела будущее – зачахнет Русь в своем капище. Так и будут над ней смеяться, называя варварами, так и будут презрительно кривиться, услышав, что русы кровью кормят своих богов. Она задумалась – и взгляд устремился вдаль, сквозь стены и время. Что на уме у сына, который день и ночь возится со своей дружиной и грезит о новых походах?

– Иди, княже, иди, – она подошла и поцеловала его в лоб. Святослав развернулся и стремительно вышел.

«Торопится, все охватить хочет. Барс, чисто барс» – печально смотря ему вслед, подумала Ольга. Все опять делать самой – дань, законы, устои. Только князь соберется, уведет дружину в походы. Это она знает точно. По его неугомонному характеру, по притаившейся в глубине его голубых глаз беспокойной энергии, что плещется буйно, словно Хазарское море.

– И все-таки – что он надумал? – Вслух прошептала княгиня.

Князь вышел, воровато оглянулся – Не идет ли вслед матушка? – и юркнул в низкую дверь.

– Святослав! – Взвизгнула красивая юная девушка.

– Малуша! – Растаял в улыбке князь, и его вечно хмурое лицо посветлело. И до чего же правда она хороша – большие глаза, носик, чуть вздернутый, губы, влажные, пухлые. И тугая коса до пояса – всем любя князю Малуша. Да вот беда – ключница она великой княгини, просто ключница. И не пара князю – как ни крути. И любились они скрытно, греховно. Князю-то что, а Малуше... Плакала девка ночами, закусив кулак, чтоб не слышали. А если княгиня прознает, и князю достанется, и ей. Хотя князю опять что – пожурит сына, и все.

– Любонька, – Святослав гладил ей волосы и целовал.

– Страшно мне, княже, страшно, – задышала жарко ему в лицо.

– Со мной – и страшно? – Усмехнулся князь.

– У тебя жена есть, и наложницы. А я кто? – Отвернулась Малуша и всхлинула.

Ну вот – бабы все одинаковы! Все и всегда – слезы, страхи и пустое.

– Ну-ну, – Святослав поцеловал ее в губы, точно обжег. И Малуша поплыла, забыв сразу страхи, и оттаяла воском в сильных руках. И сама впилась ему в губы – до боли, аж зубы стукнулись.

– Ночью приду, – как вор, озираясь, прошептал князь, выходя в дверь.

И Малуша, счастливая, с брызнувшим на щеки румянцем, сладко вздохнула и стала ждать. Быстрее бы вся челядь угомонилась, быстрее бы услышать его медвежьи неуклюжие шаги.

Вот и он, стук в дверь. Малуша в исподнем распахнула – князь схватил ее, поднял и понес на кровать. Бросил, стянул одежду – Малуша стыдливо отвернулась. Сколько ночей вместе – а она все стеснялась. Святослав, смеясь одними глазами, залюбовался. Ох – бела телом, и налита соками, словно яблоко спелое. Грудь, туго-сочные, упруго качнулись острыми сосками, ждущие жадного рта Святослава. Князь лег на нее, придавив – Малуша закрыла глаза, впуская его в себя. И с каждым новым толчком Святослава, когда он вбивал себя, сильно и резко, ее страхи таяли, а вместо них приходило счастье. Князь, могучий и смелый, на ней, доставляет радость – что еще нужно бабе? И Малуша, разойдясь, хватала его в капкан ног и не отпускала. Всегда бы так лежать, заполненной им! И позже, когда они отдохнули, она, осмелев, забиралась сверху. И скакала на удивленном князе, запрокинув голову; и ее вспотевшие круглые яблоки прыгали вместе с ней. Потом рухала на него, горяче-душистая – раздутые груди плющились о каменную грудь Святослава. А она лежала, неровно дыша, дрожа разведенными бедрами.

– Ты правда меня любишь? – Спросила растрепанная Малуша спустя время, когда они отдышались. И заглянула в глаза доверчиво.

– Правда, – сонно ответил князь.

– А жену свою, Предславу?

– Сама ж знаешь – матушка мне ее в жены сосватала, – Святослав привстал с кровати.

– А наложниц своих любишь? – Не отставала Малуша.

– Чуть-чуть, а тебя – больше всех, – князь зевнул, встряхивая головой. Так закрутились с Малушой, так разнежались – а уже вон, утро.

– Ладно, княже, ты такой, как есть. Мой и не мой. И никогда моим не будешь. По роду своему и характеру.

– Малуш, ты чего, а? – Князь присмотрелся к ней.

– Ничего, Святослав. Тяжела я от тебя.

– Роди сына – мне воины надобны, – Святослав оделся, оправился.

– А ежели дочь?

Он уже не слышал – скрипнула дверь. Малуша вздохнула – как, как все сказать великой княгине? Ему-то, оболтусу, что – ушел в поход, привез новых наложниц. Испокон веку так было. Будет и сейчас, да не в наложницах дело. Ребенок родится княжий, а вроде и нет, вроде робобич, потому как она-то ключница. И за страсть их грешную расплачиваться ему, ее чаду. Едким шепотом толпы в спину, пренебрежением знати, насмешкой братьев, сынов законных. Так она не заснула, так все и тонула в хлопотных бабьих мыслях. Кручинилась, дура, не зная, что родит князя великого. И будет он, сын холопки Малуши и Святослава, править всей Русью. И породнится с самой Византией, мечом добыв царственную жену.

Летело время, бежало – старые становились седей и согбенней, а юные – усатей да широкоплечей. Летело время – Руси на пользу. Милосердные боги знали, что надо еще чуть-чуть, немного, дать покоя русам, не тревожа их войнами. И войны обошли ее стороной, как степной изменчивый ветер. Рубилась Хазария с арабами, деля земли. Грызлась Византия, толкаясь с германцами и присмиряя данников. Грабили печенеги, просачиваясь в Каспийский проход. Грабили, пока не ловили их и сажали на кол. Только юная Русь, наливаясь соками, понемногу слезала с печи, чтобы взять свое

За столом сидели трое. Те, кто решали все.

– Княже, первое дело – каганат подвинуть. Все им дань платят – вятичи, поляне, касоги, язиги, аланы. Да спавянских племен еще тьма. Купцы, караваны – все мимо него идут. Мышь не проскочит мимо Хазарии, не заплативши. Со всех сторон нас обложили, – воевода Свенельд стукнул по столу. – И есть чего брать с каганата, е-е-есть.

– Сам так разумею, – князь кивнул. – Каганат как удавка на шее.

– И он с каждым днем становится все сильней. – Кашлянул в кулак Асмуд. – Ежели сейчас его не остановить – туго нам, княже, придется.

– Мыслью я так, – сказал князь, и по голосу воеводы поняли, что их совета боле не спрашивают, а объявляют свою волю. – Тесно на земле нам двоим. Тесно. Берем дружину, Свенельд, и идем к славянским народам, что есть данники Каганата. Чую я, – усмехнулся князь, – не любо ярмо им Хазарское. Ты, Асмуд, идешь с малой дружиной к полянам, древлянам, кривичам. И говоришь от имени князя Киевского. Ты, Свенельд, идешь с малой дружиной к дреговичам, уличам, тиверцам, северянам.

– А ты, князь?

– Я пойду к вятичам, на них остальные смотрят. Без них поход не получится.

– Большую дружину возьмешь, княже?

– Нет, малую. Мне к старейшинам надо, а не в поле биться. Убедим вятичей – объединим всех славян в Русь.

Воеводы с князем задумались.

– А княгиня что? – Вдруг спросил Свенельд. – Не будет против похода?

– Княгиня? – Озорная улыбка осветила лицо Святослава. – Ее доверенные люди уже, небось, рассказывают ей, как хазары притесняют христиан. Так что, воевода, думаю, сама княгиня на днях позовет меня к себе и будет просить защитить собратьев по кресту.

– Хитер, княже, хитер, – треснул смех Асмуда. – Небось, доверенные люди с твоего навета княгине-то жалобятся?

– Не ведаю, о чем ты, – князь с воеводами заулыбались.

– Все, – внезапно нахмурился князь, – пора. И да – скажите племенам, чтоб дань Каганату отдавали по-прежнему. Не время, еще не время кагану знать, что я хочу стянуть аркан на его толстой шее.

Блестящие металлом дружины в остроконечных шлемах, сияя серебром на солнце, потянулись в леса, болота, окрестности. Как лучи. Как пальцы ладони юного князя, задумавшего собрать все в один кулак. «Умен, умен, – с уважением и какой-то тоской думал Свенельд, раскачиваясь на коне. – И ведь никто ему не подсказал – все сам. Старею, наверное»

Свенельда кольнула обида и ревность. За то, что не он шепнул князю первым. Что не он, многоопытный матерый волк, увидел, наставил. Он с внезапной злостью позавидовал юным, безусым дружинникам, у которых все впереди. Человеку ж всегда всего мало. И хоть пожил ты вдоволь, пройдя сотню битв – а вроде и не жил, вроде охота опять в озорную юность.

Седобородые старейшины сидели кругом. В пламени факелов их застывшие лица не выражали ничего. «Выжидают»

Святослав решительно шагнул в центр круга.

– Что хочет сказать нам князь всея Руси?

Святослав медленно прошелся по лицам. Ждут, недоверчивые и подозрительные вятичи. Ждут, зная, что держат его в своей руке. Ведь не уйдешь в поход без их поддержки, и, хуже того, оставив врагом у себя за спиной. Ждут, гордо задрав подбородки. Славное племя вятичи, и умеют драться – это подтвердят все, даже хазары. Никто не рискует понапрасну тревожить вятичей – слишком тверда у них рука, и они не забывают обид. А их двуручная секира, перед которой не мог устоять ни один доспех? Нужны вятичи князю – и все тут. Князь целую зиму жил с ними. Жил и приглядывался, больше себя показывая – вот он я, ваш. Долго смотрели на князя исподлобья вятичи – такие быстро не убеждаются.

– Братья! – Зычно крикнул Святослав. – Мы одной веры и крови. Мы русы, славяне. И гоже ли нам, потомкам прибывшего щит к воротам Царь-града Олега, склонять свои шеи перед погаными? Доколе будет каган забирать у нас все? Не мы ли хозяева нашей земли?

Повисло молчание. Только скрип пола да лавок, на которых нервно заерзали первые головы среди вятичей. Старейшины думали – как и подобает зрелым мужам. Их слова на вес золота – поэтому и надо говорить, вынашивая каждое.

– Князь, каганат силен, – начал один из старейшин.

– И он становится только сильнее, – ответил Святослав. – А как вы думаете, почтеннейшие, через сколько зим он сожрет вас полностью?

Вече загалдело, поначалу робко и тихо, потом набирая мощь.

– Или вы, – зазвенел голос князя, – думаете отсидеться в своих лесах? А торговать как? А жить и дышать – как?!

– Дело говоришь, княже, дело, – стукнул об пол старейшина. Вече, помычав, стихло. – Твоя правда – не жить нам так боле. Да и с каганата спросить надо за те тысячи, что он забирал к себе в войско и там они сгинули.

– А скажи-ка, княже, – недобро прищурился один из старейшин, – ведь не каган, а ты тогда дань с нас получать будешь? Так какой нам резон?

– Буду, – жестко ответил князь, – но дань справедливую. И в походы буду брать ваших воев, и платить по совести. Кто не хочет – неволишь не стану. Мне свои земли губить ни к чему.

Вече опять забурило. Хрипатые старцы заспорили – на кону судьба племени. Но... Вместе с князем, широкоплечим, уверенным, к ним пришла и надежда. И хоть молод князь, но что-то есть в нем такое, что ему веришь. Этому лицу, вырубленному с дерева – умному и реши-

тельному. Этой твердой складке лба, делающей князя чуть старше и строже. И старцы, помолодев и расправив сутулые плечи, спустя пару часов споров и криков наконец-то сказали: – Да!

Князь выдохнул с облегчением. Такая ноша слетела с плеч – хоть стоял он в пудовых доспехах. За сотни миль отсюда Свенельд и Асмуд, срываясь на ор, суля выгоды, обещая, пугая, сумели-таки убедить и дремучих древлян, и ленивых кривичей, и сонных, скудных на ум полян. И вот ладьи с воями гребут к Киеву – тайком, с острожкой, не привлекая внимания. И вот на кордонах опытные дружинники, погаркивая, учат молодых держать строй, отступать, идти клином. Изо дня в день, с ночи в ночь – князь, несмотря на лета, мудр и никуда не торопится. Целый год ладьи возят припасы; целый год пахари, сменив плуг на копье, мозолистыми лапами оттачивают свое умение. Мечтают прославиться и попасть в княжью дружину – дружина на загляденье, любима и обласкана. А девки Киевские, румяные да пригожие, совсем по-другому смотрели на дружинников – с поволокой, истомой. И в их глубоких темных глазах стаилась надежда и обещание, готовые прыснуть и окатить удалого дружинника, сделав его счастливым. Ну как тут не захочешь в дружину?

Царь Хазарский Иосиф пил шербет среди жен, алмазов, слуг в огромном дворце, усеянном золотом, словно мухами. Нет, формально правил каган – Иосиф усмехнулся. Кто такой этот каган? Сказка для дураков, толпы – но толпе нужен наместник бога. Тоже мне, наместник – Иосиф прекрасно знал, что каган земнее всех земных. И горшки после этого бога выносят слуги, не находя в них ничего божественного. И если его ткнуть мечом, то на землю из священного тела кагана вывалятся такие же кишки, как и у раба. Но... Толпе нужна сказка, и это сказка зовется каганом. Настоящий же правитель – он, царь Иосиф, в его руках армия. И он запросто может поменять этого кагана на другого, сойдет любой олух из рода Ашин – благо, кагану надо выходить из дворца три раза в год и шествовать сквозь толпу, чтобы люд увидел бога. Только щелкнуть Иосифу пальцами – и с десятков горлопанов на площадях заведут толпу. И эта толпа, разрастаясь с каждым часом, бурля и кипя, подойдет ко дворцу кагана, и ворвется внутрь, чтоб Великий каган, божественный и сиятельный, полетел с балкона на камни. Иосиф потом, конечно же, накажет виновных. И даже произнесет пламенную речь в память о сгинувшем полубоге. Потом...

Да-а-а – люди глупы, их легче обмануть, чем переспорить. Слава небесам – нынешний каган тих и смирен, и царь ему в ухо шепчет решения, которые сам же озвучивает от лица кагана.

Ему доложили – вернулся бек с дикой Руси, куда каганат протянул свою хищную руку.

– Ах, да, – Иосиф вспомнил, что посылал бека за данью. Данью со славян, этих угрюмых великанов, что любили свои леса (Боги, ну не глупцы ли они?!). Пусть любят все, что хотят – лишь бы их дань мехами, шкурами и медом приходила вовремя. Ведь все это, добываемое только в Руси, вызывало блеск глаз и зависть заморских купцов. И за меха, шкуры и мед они, не сговариваясь и не торгуясь, платили любую цену. А русским мечникам, этим крепким в бою медведям, вообще цены не было.

Иосиф выслушал, что каган блистательный наместник пророка на этой земле, повелитель луны, земли и воды, и еще раз нетерпеливо переспросил у бека:

– И что ответил князь русов ему, своему владыке, на вопрос о дани?

Бек, дрожа от страха, распластавшись улиткой перед царем, выдал:

– Великий и сиятельный. Каган ханов, царь царей, владыка сорока народов и всех земель...

Иосиф дернулся с трона так, что хрустнули костяшки. Царь зашептал с потемневшим лицом:

– Сын свиньи и мрака, я без тебя знаю, кто такой каган. Что ему ответил князь русов?
– Он дал мне меч, их меч, русов. И сказал... – Бек начал заикаться.
– Ну?! – Царь приподнялся на троне.
– Платить не будем, – вякнул бек и вжался в пол. Противные липкие капли пота, словно лапы близкой смерти, поползли по телу бека – он задыхался.
– Встань! – Приказал царь, и бек, шатаясь, вскочил. Царь впился в его дряблое лицо взглядом и процедил сквозь сжатые зубы:
– Что же еще велел сказать этот глупый князь?
– О величайший, – залепетал помилованный бек, стараясь стоять твердо на подкосившихся ногах, – повелитель и царь царей, этот князь, это порождение глупости и дерзости, этот...
– Хватит! – Прервал его царь. – Или я прикажу вырвать твой длинный язык.
– Он сказал – Иду на вы! – Выпалил бек и обмяк. Царская стража подхватила его под руки и выволокла с покоев царя.

Иосиф отшвырнул поднос. Во дворце все затихли. Слуги движением глаз предупреждали друг друга – царь взбешен. Лучше бы он орал и топтал кого-то. Хуже, когда кипевшее в нем молчание клокотало внутри. Спустя время он, взъяренный и быстрый, мог приказать зарубить с десяток слуг. Ничего, найдут новых. Царь застыл, смотря в одну точку.

Сиятельный Иосиф, гроза неверных – Да продлит небо его дни! – все не мог справиться с волнением. Ну подумаешь – какой-то дерзкий юный глупец попрал священную волю кагана. Да еще угрожал, безумный, и кому? Сколько таких было – и где они? Стали песком, пылью на копытах каганской конницы. Высохли в клетках скелетами – и продолжают висеть. чтоб вразумлять вот таких наглецов. И этот станет. Но что-то в душе великого царя тревожно зануло, что-то горечью отравляло думы и сердце. Что? Царь не знал. Хорошо быть каганом – спи да жри, вдруг зло подумал царь. А тут...

«Зачем он предупредил меня? Зачем – так никто никогда не делает? Ладно, русы спустятся по Днепру и нагрянут с запада – как и все их князья до этого. Варвары» – зевнул царь и попытался заснуть. Не спалось – и царь долго ворочался. «Зачем?»

Кучки ратников под грозные крики дружинников ходят с копьями, колют мечами, стреляют из лука. Свенельд с князем стоят на пригорке. Любо, ох любо посмотреть на войско русов! Жалко, доспехов на всех не хватает, ну так удачный и сильный воин добудет их в бою. А неудачному они не помогут – таков закон боя.

– Мы не пойдем по Днепру, – сказал князь.
– Нет? – Удивился Свенельд.
– Мы нападём с севера.
– С севера? – Удивился Свенельд, – но это же дольше.
– Вот видишь – если ты удивился, то как удивится каган? – Святослав засмеялся, откинув голову. С бритой головы плеча коснулась оставленная одинокая прядь волос – признак знатного рода. А род Святослава – знатнее некуда. Сам Рюрик его дед.
– Хм, с севера говоришь, княже, – Свенельд долго смотрел вдаль, обдумывая услышанное. – Нам придется идти по землям печенегов.
– И я их куплю, печенегов, – ответил князь. – У нас мало конницы; а без конницы войско не войско.
– Драться они не умеют, – презрительно отозвался Свенельд.
– Зато умеют стрелять из луков, добивать отступающих и бить из засады. Да – и убивать раненных, пленные нам не нужны. И чем больше печенегов ляжет на поле брани с хазарами,

тем меньше их пойдут в набеги на наши земли. Готовь ладьи, воевода, мы выступаем. – Князь пошел.

Царя Иосифа в ужасе настигла весть, что русы, как ястребы сверху, прыгнули на Итиль. И царю пришлось срочно спешить туда. Хорошо еще, гарнизон в крепости мощный. Но все равно – кагановы силы разбросаны, а полагаться на степных кочевников-союзников, на эти отбросы, ненадежные, что летний дождь, мог только дурак. Ладно – стены Итиля взмывают вверх, и никому не удавалось его взять. Князь русов безумец – придти к неприступной крепости, в лапы к царю. Иосиф усмехнулся – не пройдет и пол дня, как его бессмертные, знамя пророка, раскидают по полю этих уставших в дороге русов. Войско кагана через ворота-горлышко крепости растеклось по полю густой сметаной.

И войско русов стояло наготове. Впереди – копейщики в три ряда. Позади – два ряда стрельцов. Еще позади них – основные силы, с мечами и топорами, которые скоро понадобятся для ближней свалки, для кромешного месива тесной схлестки. Где жернова мясорубки, где самое то – боевые ножи, с пол метра. Где мечи, булава и кистень. Где решается все – без конницы и лучников, лупящих издалека. Друг другу в глаза, вспарывая животы. Где не ускакать, а только рубить, рубить, рубить, заручившись Перуном. Чтобы выжить и победить.

Царь дал знак, и первые ряды кара-хазар сорвались в бой. Легкие, быстрые, словно молния, они подскакали к русам и дали залп. Русы прыгнулись к щитам, второй ряд их поднял наполовину, третий повыше – стрелы хазар застучали по дереву. Русы укрылись сплошной коробкой, оставив лишь редкие щели, в которые попадала дура-стрела. Так и есть – с десятков воев по неопытности где-то рядом взвыли. Умнее будут – русы теснее сжали ряды. Кара-хазары, развернувшись для нового разбега на стену русов, выхватывали жиденькие степняцкие стрелы с колчанов.

Топот копыт. Серая масса кара-хазар несетя клубком. Ближе, еще ближе – каган дал приказ. Уже захрустели, согнувшись, луки, уже кара-хазары привстали на конях.

– Пасть!!! – Взревел Асмуд, и копейщики разом свалились вперед.. Стрельцы разжали пальцы – тяжелые стрелы русов, взвизгнув, прожгли лавину кара-хазар. Выдергивая с коней щупленьких степняков, прошивая жиденькие доспехи – три ряда стрельцов все поливали и поливали дождем тающую конницу кара-хазар. Дай бог треть, заметавшаяся, развернулась, надеясь вернуться целой – нет, последний залп стрельцов с мощных луков выкосил почти всех, пришили спины к коням.

Царь Иосиф хрустнул кулаком в лицо подвернувшемуся поблизости беку. С отяжки – бек повалился и заскулил.

– Почему, почему, ишаки и кучи навоза, стрелы русов сносят с коня. а наши лишь царапают их доспехи? – Налитые кровью глаза царя обвели побелевших беков.

– Царь, они у них тяжелее. И длиннее, – чуть слышно ответил кто-то. – А доспехи у наших конников слабые.

– Без тебя вижу, – царь стал остывать. Только дышал, как загнанный конь, вглядываясь туда, где посреди поля корчились ошметки кара-хазар.

– Отправь в бой настоящую конницу, а не этот рваный хлам, – сквозь зубы выплюнул царь, не сводя глаз с поля боя. Русы, гремя доспехами, шли вперед. Понемногу, мощно, уверенно.

Белые хазары, элита, самые могущественные беки со своими воинами, рослыми и свирепыми, выстроились для разгона на ряды русов. Смотря на клочки сгинувших кара-хазар, богатуры презрительно скривились. Сейчас наглые русы увидят, что такое гнев кагана. Сейчас они ощутят страшный удар настоящей конницы – не той, что дергалась по земле, распластанная и переломанная. Горе вам, русы, горе. Белые хазары – богатуры сорвались по взмаху руки. Жалобно загудела земля под копытами тяжелых конников. Тук, тук, тук – конница в доспехах вот-вот впечатает в красно-щитную стену русов. Русы, встав, опустили на колено и уперли древки копий в землю. Миг – и железный квадрат превратился в ежа. И захотелось богатырам-хазарам в первых рядах свернуть в бок, обогнуть колючую стену. Поздно. С разгона гордость Хазарии вlepилась в ежа – и разгон ее погубил. Русы не промялись, как все, под ударом тяжелой конницы, а она, застряв на колючках, в агонии пыталась развернуться. Никак – сзади свои же, хазары, напирали. Не повернуться, не достать мечом спрятавшихся в колючках русов, не отступить.

– Ух! – Лучники вспотели, дергая стрелы из колчана и расстреливая в упор зажатых на копьях хазар. Стрельцам даже не надо целиться – лишь потуже натянуть лук и послать в конскую кашу. Ряды копейщиков-русов, сдерживая продырявленную взбесившуюся конницу копьями, стояли. Стояли со вздутыми венами лбов, стояли, хрустя суставами на пределе, стояли, нагнувшись вперед, сверля копьями дальше. Ломалось копье – рус обломком, вынырнув сбоку неповоротливого всадника, втыкал в просвет меж доспехов.

– Пора! – Святослав с дружиной влетели в кашу копейщиков и хазар. Верткие русы резали сбоку и снизу; все новые и новые семечками сыпались на замурованных копейщиками хазар. Великан Икмор, друг князя, просто толкал коня вместе с всадником – и беспомощный конник барахтался уже на земле, пока топор Икмора не успокаивал сверху. Святослав расчищал борозды, шуруя двумя мечами – справа и слева от него самые опытные дружинники щитами прикрывали князя. То там, то здесь хрипящую и застрявшую конницу хазар вспарывали клины русов.

Копейщики, выпустив копья, падали, словно мертвые – на смену им в горы наваленных конников прыгали все новые и новые русы. Отдохнувшие, соскучившиеся по бою – полежи, копейщик, остынь. Ты свою задачу выполнил – теперь мы. Пусть грудь ходит колесом, пусть дрожащие руки как не свои, пусть внутри все пересохло – сдюжили, братцы, выстояли. Кому-то было не выбраться из-под кучи коней – он кричал: – Помогите-е-е-е...

Царь Иосиф обессилено откинулся в позолоченном кресле. Беки, столпившись рядом, боялись дышать. Будь проклят князь русов – это из-за него могущественные и знатнейшие беки, цвет каганата, его дыхание, стоят и дрожат тут как стадо облезлых баранов. Князь русов, дерзец – когда ты, наконец, отступишь? Или запросишь мира – и беки, смотря тебе в глаза сверху, припоминая эту гнусную дрожь, милостиво объявят волю кагана, надевая на тебя цепи и плюя, исказив в гневном оскале толстомордые лица. Или отхлещут на площади, перед тем, как отдать палачу. Когда, рус?

– Пехоту, гоните пехоту, – резко выдохнул царь, еще не придя в себя. Зашумели плети тарханов – из ворот крепости, понукаемые на бойню, тысячами выползали и строились ремесленники, горожане, чернь. Эти будут стоять до конца и не дрогнут. Ведь там, за стенами, их жены и дети, их дома. Да и свирепый царь в случае бегства одарит мучительной смертью – так не лучше ль погибнуть в бою, в славе и гордости. Пехота все высыпала и высыпала, вырастая из-под земли. Русы, отдышавшись, пошли.

Чернь стояла насмерть, ведь ее было намного больше. И отступать было некуда – взбешенный царь приказал закрыть ворота. Войско князя вначале завязло, но полк вятичей взмахами страшных секир расколол хазар пополам. И с двух сторон, в бока хазарской пехоте, дружно ударили конницы. Конница русов, серебряная, молча; и печенежская, зловеще черная, завывая и гикая. И пехота растрескалась, яростно огрызаясь. И побежала, кто куда – но не уйти от печенежских арканов. Много рабов наберут печенеги сегодня – и менялы невольничьих рынков обрушат цены. Много...

– Спускайте бессмертных! – Царь Иосиф заметался по балкону. – Вы, сучьи дети, – он лопнул глазами на беков, – говорили, что Святослаб дурак и сопляк? Вы-ы-ы-ы!

Он пошел по рядом беков, чьи лица враз побелели. На кого падет перст правителя, кто станет таким самым нужным козлом отпущения, чтоб остальные беки, готовые обмочиться под себя, с тихим выдохом вновь родившегося медленно опустили животы? Ну-у-у же, быстрее... Один бек грохнулся в обморок.

Оплошал ты, царь, оплошал сразу. Ведь толком не знал, как люто в ближнем бою рубятся русы, не знал же? Прозевал, проворонил. И поставил против них степняков – тьфу. Степняк хорош в седле, с луком, а в ближнем бою он квел и хлипкок. Ты подумал, числом задавишь? И здесь оплошал – степняки легли, что трава, под жилистыми ногами русов. И сейчас на чаше весов – твоя голова, царь. А может быть, и все царство. Так что надеюсь еще где-то там, в глубине души, что конница бессмертных спасет бой, глядя на русов, ты вдруг понимаешь – нет, конница пропадет! Ты это знаешь – и все. Вспышкой озарения. Не хочется в это верить, но... Но надейся, царь, надейся, если больше делать нечего.

Знамя пророка, солнце кагана – тяжелая конница безумных диких наемников, чьим хлебом была битва. Они, все в броне, опустили пики. Миг – и сорвутся в центр боя, не щадя ни своих, ни чужих. С пригорка, который поможет набрать разгон – и безумные толпы неверных настигнет воля Аллаха. У них пройдено сотни битв, у них брони покрыты вмятинами, они не знают, что такое поражение. Они побеждали всегда и везде – недаром царь берег эту конницу, как зеницу ока, и пускал ее в ход лишь в самый тяжелый момент. Вот и сейчас бессмертные снова докажут свое превосходство. Ураганом закованной ярости. Многотонная лава пошла, набирая разгон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.